

позитивные качества расположены несколько в другом понятийном ряду и рассматриваются они как желаемые для привнесения их в управление при появлении большего количества управленцев - женщин. На самом деле гендерное равенство в управлении не гарантирует изменение самих моделей управления по "женскому типу" в противовес "мужскому типу". Реализованный гендерный баланс в политической сфере и сфере управления гарантирует исчезновение еще одной формы дискриминации и существенный шаг на пути демократизации общественных отношений.

Данное обстоятельство особенно актуально на современном этапе, когда в масштабах больших социальных групп попытки реализации лидерских амбиций, вне и помимо механизмов демократии, могут принять характер вселенских катастроф, и закончиться созданием «нового порядка» различного оттенка от красного до коричневого. В условиях глобализации и интернационализации современной цивилизации возможности вселенских катастроф, многократно описанных фантастами, вполне могут реализоваться в действительность усилиями террористов, религиозных фанатиков, гениев высоких технологий или диктаторов поколения 2001. Эсхатологическая картина в духе футуристических прогнозов «третьей волны» становится не такой пафосной и более будничной, если мы зададим простой и такой привычный вопрос: что делать? Сами же на него и ответим: необходимо признать объективный факт актуальности и значимости лидерства в современном мире, из которого следует, что лидерство становится массовым явлением, а не чем - то исключительным. Гендерный баланс в сфере лидерства не ограничивается необходимостью продвижения женщин во власть, где им предстоит играть по "мужским правилам", а является нормой реализации демократических механизмов лидерства и признанием того факта, что женщины должны быть там, где власть и деньги. Следовательно, лидерству надо учить, вовлекая в процесс обучения как можно больше народа, делая его доступным и понятным для большинства, а не только для избранных и уникальных, отмеченных печатью исключительности.

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В ОТСУТСТВИЕ ЖЕНЩИН

Ирина Чикалова,

доктор исторических наук,

*и.о. профессора кафедры всеобщей истории БГПУ им. М.Танка,
руководитель Минского центра гендерных исследований*

В стремлении к политическим переменам миллионы американцев и жителей Европы, начиная с 1960-х гг., стали участниками трех социальных движений — черного освободительного за гражданские права, антивоенного и нового феминистского. Последнее, перемежая успехи и неудачи в достижении персональных и социальных перемен, как ни одно другое, обогатило интеллектуальный багаж, внесло кардинальные изменения в сознание и образ жизни американского и европейского общества, сравнимые только с результатами широкого движения за гражданские права чернокожего населения США. В широком смысле, адресат феминизма — общество в целом, к которому он обращает свою основную политическую рекомендацию, — следует отказаться от жестких иерархий, использовать методы ненасилия, сотрудничества, кооперации и заботы о тех, кто оказался на общественной периферии, потому что по разным причинам (пол, раса, класс, религия, возраст, физическое состояние, сексуальная ориентация) попал в категорию "другого", не соответствует канону, являющемуся мерилем "нормы".

Феминистское движение 60-х гг. XIX — начала XX в., направленное, главным образом, на осуществление права женщин на участие в выборах и избрание в

законодательные органы власти, вошло в историю как "первая волна феминизма". В результате усилий суфражистского движения женщины ряда стран на национальном уровне (Новая Зеландия, Финляндия, Россия, Великобритания, США) между 1905 и 1920 гг. получили право участвовать на выборах. Последовавший затем период вплоть до 60-х гг. XX в. стал временем молчания, "невидимости" самих женщин и женских проблем в политическом дискурсе. Хотя отдельным женщинам, как, например, Элеонор Рузвельт и Фрэнсис Перкинс в США, Барбаре Касл и Ширли Вильямс в Великобритании, Александре Коллонтай и Марии Спиридоновой в России удалось оставить яркий след в политике, в качестве организованной общественной группы женщины оставались невидимыми на арене политической жизни. Тем не менее, к середине 1960-х гг. в развитых странах в положении и образе жизни женщин произошло пять изменений, столь кардинальных, что их подчас характеризуют как революции. За суфражистской революцией произошла сексуальная, за ней — революция поведения, кухонная революция, и, наконец, революция на рабочих местах, изменившая характер рабочей силы и роль женщины в экономике¹. Выход женщин, прежде всего представительниц среднего класса, на общественную сцену происходит во второй половине 1960-х гг. на волне массового движения за гражданское равноправие в США. Организация из его недр автономного женского движения (на фоне болезненного разочарования в связи оттеснением в нем женщин на периферию) стала результатом ряда параллельно протекавших процессов.

В США усилившаяся политизация общества, появление в 1963 г. заключительного доклада президентской Комиссии по статусу женщин, впервые на официальном уровне признавшего наличие их дискриминации, выход в свет взорвавшей сознание американцев книги Бетти Фридан "Загадка женственности"² и, наконец, создание в 1966 г. Национальной организации женщин повлекло за собой развитие массового, нового женского движения. К 1970 г. "женское освобождение" стало одной из центральных тем общественной жизни США. Получив импульс из-за океана, бурно начало развиваться женское движение в европейских, особенно, скандинавских странах. Его развитие сопровождалось формированием философии и идеологии феминизма, который стал его теоретической базой. Активное формирование теории феминизма привело к институализации в университетах междисциплинарных программ Women's Studies. Преподавание их становилось открыто политическим актом, признанием существования женского угнетения и поиском ответа на вопрос: как положить конец подчинению женщин. Начав с критики теорий "естественной субординации" и подчиненного статуса женщин, феминисты отдели гендеру центральное место в анализе структур власти, политических, социальных и культурных институтов, моделей идеологического воздействия.

Повторный всплеск женского движения во второй половине 1960-х гг. инициировал академические дебаты по многим проблемам истории и современного состояния общества, исследование которых в феминистском дискурсе приобрело совершенно иную окраску. До того, как поднятые феминистами вопросы стали предметом всестороннего обсуждения, анализ дифференциации общества по принципу пола/гендера не проводился, работы в области политологии, социологии едва упоминали женщин³. Если субъект политики, в качестве которого традиционно

¹ Лернер Макс Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мысли в Соединенных Штатах сегодня. В 2-х тт. М. 1992. Том 2-й, с 80

² Фридан Бетти. *Загадка женственности*. М.: Прогресс. 1994

³ В рамках марксистской историографии следует отметить две классические работы — Ф. Энгельса "Происхождение семьи, частной собственности и государства" и А. Бебеля "Женщина и социализм", которые в исторической ретроспективе анализируют причины подчиненного статуса женщины. Поскольку женщины-работницы угнетены капиталистической системой в той же степени, что и мужчины, а женщины разделяет принадлежность к разным классам, постольку не существует единых специфически женских интересов, отличных от классовых. Объединение женщин из разных

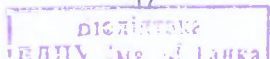
выступал мужчина, всегда был объектом интенсивного исследования, то политическое участие женщин (которое было действительно минимальным в силу принудительного разведения по разные стороны женщин и политики) и их политическое поведение (которое в качестве избирателей копировало мужское) не изучались. В "дофеминистский" период значительно более узкое толкование понятий политики и политического не оставляло места для женщин.

Центральный дискурс исторических трудов конструировался таким образом, как будто женщины и их интересы как группы, концептуально несовместимы с историческим исследованием. Еще точнее, теоретики определяли территорию "истории", тесно переплетенной с территорией публичной политики в терминах "отсутствия" гендера. На первый взгляд, отдаваемый приоритет в скрупулезном изучении и преподавании войн и боевых действий, изучению экономического развития стран и регионов не имеет ничего общего с исключением женщин. Но это не совсем так. Действительно, отсутствие последних в армиях и тем более в руководствах, вроде бы не дает повода для разговора о них. Но, конструирование знания таким образом, когда огромным группам населения в нем просто не находится места, следствием имеет и формирование соответствующего отношения к этим группам людей — как к "иным", "ненастоящим". На этом же фоне практически не исследовалась роль женщин в сферах, где они были наиболее "видимыми", — в семейной, приватной жизни, по воспроизводству хозяйства семьи: серьезная наука отдавала предпочтение исследованию сфер, высокий статус которых был обязан вращению в них финансовых потоков, абсолютным преобладанием мужчин, и в целом манифестации и столкновениям мужских амбиций. Должен был состояться интеллектуальный прорыв для деконструкции традиционного знания и привычного подхода к изучению общества. Множество "частных" тем, которые касались женщин, стали не только статусными, но и приобрели совершенно иное звучание в феминистском дискурсе. Рост феминистского движения и необходимость инкорпорировать демократические идеалы в научную теорию, привлекли внимание к важности постановки вопросов, связанных с репрезентацией женских интересов и более широко — женского в культуре.

Развитие относящихся к женщинам исследований в политической и исторической науке характеризуется парадигмой: полная невидимость, ограниченная видимость, видимость. Устранение женщин на протяжении столетий из публичной жизни и властных сфер имело следствием практически полное игнорирование их в политических исследованиях. И несмотря на факт, что женщины участвовали, как в годы французской революции конца XVIII века, особенными и уникальными способами в революционных трансформациях современного мира, этот факт не находил должного понимания у политологов и историков. Исключение составили лишь труды, посвященные великим женщинам масштаба княгини Ольги, национальной героини Франции Жанны Д'Арк, императриц Екатерины Великой и Марии-Терезии, королевы Виктории и подобным им по значению и роли в мировой культуре и политике.

Большинство классических теоретиков, начиная с мыслителей античности, объявляли, что биологические особенности и культурные модели, связанные с женщинами, не только не позволяют им участвовать во властных структурах, но и развивать качества, связанные с политической и гражданской активностью. Соответственно женщины и "женское" были спрятаны в политической теории и в историях политической мысли, написанных с позиции андроцентризма. Концепция, которая структурировала политический дискурс в классический период, базировалась на признании четкой дихотомии публичного и приватного пространств. Начиная с древних греков, концептуальное разведение их отражало классическое

социальных слоев возможно только для борьбы за преобразование капиталистического общества в социалистическое

1645480

понимание частной области домохозяйства (oikos, или сфера репродукции) и экономики (polis, город-государство, организующее производство) как изначально разделенных. Более того, только публичная сфера характеризовалась в качестве арены свободы и гражданских прав. Поскольку иерархические отношения рассматривались в качестве естественных правил в частной сфере, соответственно, исключение женщин из публичной сферы опиралось на их "естественную" неспособность преступить за пределы их биологического и экономического подчинения в домашней сфере. Поскольку женщины ассоциировались с частной подчиненной сферой, они функционально были исключены из практик свободы, которые определяли политическую жизнь; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них. Это было характерно для государств античной Греции, подобная ситуация имела место и в Древнем Риме: женщина абсолютно подчинялась домовладельнице по Законам XII таблиц (середина V века до н. э.), и — в несколько меньшей степени — по семейным законам императора Августа (43 г. до н. э. — 14 г. н. э.). Средние века не принесли изменения социально-политического статуса женщин. Даже в Новое время либеральная теория с ее акцентом на индивидуализм и гражданские свободы демонстрировала ограниченность в вопросе распространения эгалитарных прав на новые группы граждан: женщинами пренебрегали просто потому, что они женщины. Питавшаяся идеями либерализма, великая французская революция конца XVIII в. оставила женщин даже с меньшим числом свобод, чем они имели до ее начала. Разделение между "правителями" и "управляемыми" становилось, очевидно, социогендерным. Поскольку женщин замыкали в семейной сфере, а в хозяйственной жизни наделяли подчиненной ролью, они функционально были исключены из зоны политической, социальной и экономической свободы; публичная сфера не только существовала без женщин, но и была настроена против них. Политика, по определению, стала миром, в котором правила и имели голос только мужчины. Женщины, говоря словами Джин Элштейн, оставались открыто бессловесны, будучи исключенными даже из словаря политики. Таким образом, в само определение политики были вписаны предпосылки, исключающие женское участие в публичной жизни: интересы женщин признавались важными лишь в плане достижения некоей особой женской "добродетельности".

Феминистская интервенция в политическую теорию началась с переформулировки, введения новых исследовательских задач и их компонентов, например:

- была введена категория гендера;
- был сделан вызов конвенциональным определениям политики;
- был поставлен новый вопрос, каким образом гендер конструирует женский политический опыт, и как раса, этничность, классовый интерес в сочетании с гендерной принадлежностью влияют на политические действия и политическое сознание;
- стали исследоваться как взаимопереплетения социальных отношений женщин в семье, на рабочем месте, в коммунах влияют на выработку форм сопротивлений и соглашений;
- стали делаться попытки поместить активизм общественных организаций (grassroots activism) в контекст более широкого политического и экономического процесса;
- стали анализироваться взаимоотношения между женской политической практикой и политической теорией.

Гендер — социальный пол. Гендер стал одним из наиболее важных терминов, введенных феминистской эпистемологией. Понятие гендера оформилось терминологически в процессе теоретического развития феминизма, а затем и собственно гендерных исследований. Смысл термина "гендер" заключен, прежде

всего, в идее социального моделирования или конструирования пола. Пол дан от рождения; пол не выбирают. Гендер — социальная организация половых различий; культурологическая характеристика поведения, которое соответствует полу в данном обществе в данное время. Гендер является социальной конструкцией системы социо-полоролевых отношений. Гендер — это осознанное значение пола, социокультурная манифестация факта пребывания мужчиной или женщиной, освоенные характеристики, ожидания и модели поведения¹. Гендер — это набор социальных ролей; это — костюм, маска, смиренная рубашка, в которой мужчины и женщины исполняют свои неравные танцы². Не пол, но гендер обуславливает психологические качества, способности, виды деятельности, профессии и занятия мужчин и женщин через систему воспитания, традиции и обычаи, правовые и этические нормы. С точки зрения биологии, пол очевиден с момента рождения. В то же самое время ощущение человеком принадлежности к определенному социальному полу воспитывается всю жизнь, в течение которой он осваивает те поведенческие нормативы, которые будут его характеризовать как женщину или мужчину. Хотя биологические различия действительно существуют, не они являются решающими в конструировании мужской и женской природы. Мужчины и женщины являются культурными продуктами своих обществ. Решающим фактором в формировании различий является культура: "Женщиной не рождаются, ею становятся"³. Стереотипы по поводу гендера отражают взгляды общества на поведение, которое ожидают от мужчин или от женщин.

Термины "пол/sex" и "гендер/gender" используются для разведения набора биологических различий от системы социальных, культурных, психологических характеристик. Под термином "гендер" понимается структурированная под влиянием культуры система различий. Она, некоторым образом, связана с биологическими различиями, но не сводится только к ним. Гендер — это социальная организация сексуальных отличий. Но это не означает, что гендер отражает или имплементирует фиксированные и естественные физические различия между женщинами и мужчинами; скорее, гендер — это знание, устанавливающее значения для телесных различий. Эти значения варьируются в зависимости от культур, социальных групп и времени. Мы не можем рассматривать сексуальное различие кроме как функционирование нашего знания о теле и это знание не является "абсолютным, чистым", оно не может быть изолировано от его применения в широкой цепи дискурсивных контекстов. Сексуальное отличие, таким образом, не является обычной причиной, из которой, в конечном счете, может произрастать социальная организация. Оно, наоборот, само является изменчивой организацией, которая сама должна быть объяснена⁴. Таким образом, все феминистские авторы настаивают на том, что "гендер" имеет отличное значение от термина "пол", который отсылает к биологической идентичности как мужской, так и женской, или сексуальности⁵.

Большинство работ по гендеру основываются на предположении, что пол предшествует гендеру. Кристин Делфи спорит, что это предположение "теоретически неоправданно" и "его продолжающееся существование отправляет назад к устаревшему пониманию гендера, мешает пересмотру категории гендера беспристрастным образом". Делфи предлагает не только пересмотреть вопрос о взаимоотношениях между гендером и полом, но также допустить, и исследовать две другие гипотезы. Первая состоит в том, что "статистическое совпадение между полом и гендером есть просто совпадение". Вторая гипотеза — гендер предшествует

¹ Sapiro Virginia. *The Political Integration of Women*. Urbana, etc.: University of Illinois Press. 1984. P.271

² Lerner, Gerda. *The Creation of Patriarchy*. New York - Oxford: Oxford University Press. 1986, P. 238

³ De Beauvoir, Simone. *The Second Sex*. Harmondsworth: Penguin. 1972. P. 295.

⁴ Scott, Joan. *Gender and the Politics of History*. New York Columbia University Press. 1988. P.2

⁵ Showalter, Elaine. 'Introduction: The Rise of Gender', in E. Showalter (ed.) *Speaking of Gender*. New York. Routledge, 1989. P.2

полу: "Пол сам по себе просто маркирует социальное деление; он служит тому социальному узнаванию и идентификации тех, кто доминирует и тех, кто доминируем. Пол — это знак с символическим значением, приобретенным в ходе исторического развития¹."

Впервые мысль о необходимости различать биологический и социальный пол появилась в книге Маргарет Мид "Пол и темперамент в трех примитивных обществах" (1935). Феминистская теория восприняла ее, занялась исследованием различия между биологическим и социальным полом/гендером и проблематизировала гендерные отношения. Гендер, ранее являвшийся только грамматической категорией, превратился в часть "оборудования" феминистов для постановки вопросов о "естественном" подчиненном и более низком положении женщин. Феминисты выдвинули ряд вопросов, относящихся к гендеру и гендерным отношениям в обществе, и занялись изучением этих вопросов. Они исследуют, как гендер соотносится с анатомическими половыми различиями; как гендерные отношения конституируются и поддерживаются (в жизненном цикле человека, и более широко, в качестве социального опыта, ограниченного временем); как гендерные отношения соотносятся с другими видами социальных отношений такими, как классовые или расовые; что становится причиной, ведущей к изменениям в гендерных отношениях с течением времени; каковы взаимоотношения между гетеросексуальностью, гомосексуальностью и гендерными отношениями; существует ли только два, а если не два, то, сколько гендеров; каковы взаимоотношения между формами мужского доминирования и гендерными отношениями; перестанет ли быть актуальным вопрос о гендерных отношениях в эгалитарных обществах; имеется ли нечто отчетливо мужское или женское в способах мышления и социальных отношениях, и, если имеется, то являются ли данные различия врожденными или социально сконструированными; являются ли гендерные различия социально полезными или необходимыми, а если же да, то каковы последствия этого для феминистской цели достижения "гендерной справедливости"².

Вслед за феминистской теорией все общественные науки стали проводить разделение между полом и гендером. Более того, гендер оказался в фокусе дискуссий гуманитариев. Он был признан центральной категорией для анализа структур власти, организации социальных и культурных институтов, моделей идеологического контроля в современном обществе. Выдвижение гендера в качестве категории анализа стало одним из самых важных перемен в общественных и гуманитарных науках в 1980-е гг. Исследования отношений мужчин и женщин как гендерных означает исследование полоролевых моделей их поведения как социально детерминированных, в отличие от традиционного подхода, где различие их социальных ролей определяется "естественным", природным фактором — различием их биологической организации.

Центральной для феминизма стала деконструкция подхода к определению политической территории и политики³. Поскольку отчетливо разделенные между

¹ Delphy, Christine 'Rethinking Sex and Gender', Women's Studies International Forum, Vol. 16, 1993. P. 1 No 1.

² Flax, Jane "Postmodernism and Gender Relations in Feminist Theory" in Linda J. Nicholson (ed.) *Feminism/Postmodernism*. New York and London: Routledge. 1990. P. 43.

³ Феминисты не были первыми, кто бросил вызов конвенциональному определению политики. На необходимости политического усиления депривированных групп настаивала марксистская теория. Но, признавая единственную важную категорию социальной стратификации, — класс —, и классовые отношения в качестве структурирующих политическую борьбу, она считала, что социальная трансформация необходима для политического усиления угнетенного рабочего класса. Тем не менее, пользуясь гендерно нейтральными терминами она, говоря о рабочем классе, выпускала из виду тех же женщин из рабочих семей. Классическая марксистская концепция политики основной упор делала на крупные предприятия с большой концентрацией рабочих: как раз на такого типа предприятиях было меньше всего женщин. С другой стороны, марксизм игнорировал политическую борьбу вне

собой "публичная" и вторичная по отношению к ней "приватная" сферы стали основными территориями жизни мужчин и женщин в патриархатном обществе, одной из главных в феминистской теории стала проблема взаимодействия между ними, и в связи с этим ставилось под сомнение традиционное определение политики. В классической политологии существует тенденция определять ее в качестве целенаправленной деятельности, ограниченной рамками особой публичной сферы, в которой и происходит принятие решений. Развернувшие в 1970-е гг. дискуссию радикальные феминисты подвергли фундаментальной критике общепринятые трактовки политики как деятельности, не охватывающей область частного. Одна из пионеров в этом отношении Кейт Миллет в своей уже классической работе *Sexual Politics* предложила перенести акцент в определении политики на взаимоотношения, основанные на власти, "посредством которой одна группа людей контролируется другой"¹. Она развивает тезис о том, что отношения между полами являются сексуально-политическими в том смысле, что власть мужчин над женщинами основана на различии и противопоставлении полов². Одним из проявлений этого является монополизация мужчинами основных ключевых позиций в политико-властных структурах. Разделение человеческого бытия на сферы общественной и частной жизни, с одной стороны, закрепляет мужское доминирование в обществе, с другой стороны, существует, из-за асимметричных отношений власти и подчинения, утратившихся между полами. В-третьих, оно нужно, чтобы скрыть властные взаимозависимости между мужчинами и женщинами.

Таким образом, понятие политика радикальными феминистами стало трактоваться предельно широко — как все действия в сфере современной социальной и культурной жизни. Поэтому любая женская акция, направленная против дискурса патриархатной культуры, воспринимается как политический поступок, поскольку всегда ставит под сомнение основы и принципы функционирования существующих институтов и практик, призывает к их переосмыслению и символизирует собой акт преодоления властных зависимостей и стереотипов традиционной культуры. Отсюда — основная политическая формула радикальных феминистов и, по существу, основной лозунг второй волны феминизма — "все личное есть политическое"³. Поместив в свой центральный слоган утверждение о прямой связи между политикой и повседневной жизнью, между индивидуальными нуждами, заботами и социальными переменами, феминисты кардинально расширили саму политическую повестку. Проблемы, прежде рассматриваемые исключительно в качестве "приватных" женских, — аборт, репродуктивные права, насилие в отношении женщин, сексуальное преследование, забота о детях, домашняя работа стали соревноваться между собой за приоритетное место в национальном политическом дискурсе современных демократий. Признание того, что персональное является политическим, упразднило искусственное разделение жизненного и политического пространства на публичное и приватное. Оно также бросало вызов наложению идеологического ограничения на политику, сводящего ее к узкому миру выборов, кандидатов и их лоббистов.

промышленных предприятий, в которой традиционно именно женщины из рабочей среды играли основную роль. Произрастающий же из марксизма социалистический феминизм тесно соединялся с социалистическим движением, внутри которого имела четкая тенденция обращаться к женщинам исключительно как к женам. Во Франции и, прежде всего в Германии, к концу XIX века социалистические партии включили женские права в свои программы, но рассматривались они в качестве зависимой задачи и вторичных достижений социализма. Это сочеталось с множеством противоречий в вопросе о предоставлении женщинам избирательных прав, глубоким недоверием к "оружающему" феминизму и традиционными идеями о женственности и женском предназначении.

¹ Millet Kate. *Sexual Politics*. London: Abacus. 1972. P. 23.

² Millet Kate. *Sexual Politics*. London: Abacus. 1972. P. 23

³ "The personal is political" — фраза, впервые произнесенная Carol Hanisch. Она появилась в ее работе 1970 г. *Notes from the Second Year*.

Полигические требования, определяемые в качестве феминистских, направлены на коррекцию неравенства и асимметрий в традиционных гендерных ролях. Первыми, внесенными в политическую повестку и получившими универсальное признание, были право голоса, равенство в образовании и трудовых отношениях в части оплаты, статуса и возможностей. Важным направлением усилий демократического и феминистского движения стало введение, расширение, а в дальнейшем — сохранение политики позитивной дискриминации в пользу женщин. Ее предложила использовать Конвенция ООН 1979 г. "О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин"¹. Позитивная дискриминация в контексте участия в политике, часто подвергающаяся критике за создание благоприятных условий и продвижение женщин, не является уникальным явлением, характерным только для 1970—1990-х гг. На самом деле такая дискриминация, но в пользу мужчин, была неотъемлемой чертой политической жизни со времени образования государства, тогда как женщины сначала вообще были лишены избирательных прав, а когда их получили, не имели доступа к властным позициям. В США, где женское движение было наиболее мощным и развивалось параллельно с движением за гражданские права темнокожего населения страны, в 1960-е гг. был введен в оборот термин аффирмативные действия, который стал означать практику или принцип, в соответствии с которым предпочтение при приеме на работу или учебу отдается представителям групп, которые раньше дискриминировались по причине пола, расы и т.д., и стал реализовываться посредством комплекса специальных программ по расширению возможностей для них в получении образования, при трудоустройстве, в политике, бизнесе и других социальных сферах.

Вторая группа политических феминистских требований — отпусков по уходу за ребенком, детские ясли, пособия на детей — традиционно рассматривается в качестве относящейся исключительно к женщинам, хотя эффект их продвижения непосредственным образом затрагивает и мужчин. Более того, требование предоставления отпуска по уходу за ребенком перестало рассматриваться в качестве исключительно женского, особенно в свете увеличения числа стран распространившего действие закона о родительском отпуске на мужчин.

Третий блок охватывает репродуктивные права (аборт, контрацепция, консультирование по вопросам планирования семьи) и имеет отношение к биологическим функциям женщин и мужчин. Дискуссия по поводу этой темы приобрела экзистенциальный характер, столкнув между собой клерикалов и антиклерикалов. Репродуктивная свобода является основополагающим правом женщин контролировать свои тела и жизни. Две стороны дебатов о праве на аборт определяют себя как "pro-life" (за жизнь) и "pro-choice" (за выбор) — невозможно не выступить "за жизнь", но также проблематично выступать против свободного "выбора". К 1990-м гг. проблема аборта (сам он стал легальным в абсолютном большинстве стран), в частности, в американском обществе, уже более не рассматривалась в качестве чисто женского требования. Она превратилась в глубокий моральный конфликт, разделивший сообщество, по поводу которого можно было проиграть или выиграть выборы.

Наконец, к 1990-м гг., насилие в семье, проблемы на рабочем месте, связанные с сексуальными домогательствами, сталкеризм² также стали частью политической повестки вследствие пространной дискуссии по поводу уместности перенесения персональных проблем на общественный уровень. Вопрос, что должно оставаться персональным и что может быть открытым для общества в частной жизни граждан, не имеет однозначного ответа. Феминисты и их сторонники, с 1970-х гг. требуя

¹ Lawson Edvard. *Encyclopedia of Human Rights*. New York, etc.: Taylor & Francis Inc., 1990. С. 268

² Сталкеризм — термин, характеризующий систематическое преследование в виде телефонных звонков, писем, появления возле дома проживания, навязывания собственной персоны человеку, этого не желающего.

открыть завесу над частной жизнью граждан под лозунгом *персональное* является политическим, обращали внимание общества на размах насилия в семьях, которое являлось закрытой темой в течение десятилетий. Тогда же в политическую повестку они выдвинули проблемы личной репродуктивной свободы и свободы в выборе сексуальной ориентации. Они стали рассматриваться в качестве политической позиции, и борьба за свободный выбор и за права сексуальных меньшинств стала важным направлением политической активности.

В то же время стала выявляться ограниченность и самой феминистской теории и феминистской практики, произрастающих из персонального опыта объединенных в свои организации белых женщин среднего класса, которые не могли аккумулировать и репрезентировать опыт всех женщин. С этой точки зрения, оказывалось, что феминистское движение также определяло содержание политики недостаточно широко, и в 1980-е гг. оно стало подвергаться критике со стороны черных феминисток за игнорирование совершенно специфического, несопоставимого ни с чем опыта потомков чернокожих рабынь, ощущавших себя "другими" не только по отношению к мужчинам (более к белым, нежели к черным), но, в очень значительной степени, по отношению к белым женщинам среднего класса. В рамках феминизма 1960—1970-х годов появилась некая обязанность говорить в качестве и от лица женщин. Но, как говорит Джудит Батлер, "любая попытка дать универсальное или специфическое содержание категории женщин, где предполагается, что этот гарант солидарности требуется заранее, обязательно производит фракционализацию, и такая "идентичность" как отправная точка никогда не удержится в качестве основы для феминистского политического движения"¹. Именно поэтому в начале 1980-х годов феминистское "мы" подверглось атакам цветных женщин.

Манифестирование в текстах черных феминисток "различия" в 1990-е годы стимулировало академические дебаты, приведшие к политической концептуализации понятий различия в "общем" и "сексуального различия", в частности, которые стали чрезвычайно важными политически в странах Европейского сообщества и особенно в контексте постколониальных исследований. Здесь отошлем читателя к тексту интервью Джудит Батлер с Розы Брайдотти: "...акцентуализация на обобщенной европейской личности, которая сопутствует проекту "унификации" старого континента, неизбежно приводит к "различию", которое становится даже более чем принципиальным и взрывоопасным понятием. Следствием парадокса одновременной глобализации и фрагментаризации, который соответствует социально-экономической структуре наших постиндустриальных времен, является регрессия к национализму и расизму, который идет рука об руку с проектом европейского федерализма, свидетелями чего мы все являемся в сегодняшней Европе"². Исчезновение Восточного блока, распад СССР и Югославии, дисинтеграционные процессы внутри самой России, появление чеченского вопроса несет в себе флюиды, как "различия" в общем, так и "сексуального различия", в частности, ставших политически окрашенными. И хотя корни концепции "различия" могут быть обнаружены в иерархических, исключаяющих способах тоталитарного мышления, не учитывание различия становится невозможным в контексте исследования идущих дисинтеграционных процессов.

В связи с тем значением, которое феминистская теория придает вообще развитию демократических процессов, взаимосвязь между феминизмом и демократической концепцией гражданства стала одной из важных тем академических дебатов 1980-90-х гг. Либеральные феминистки, требуя предоставления широкого спектра политических и гражданских прав для женщин, не

¹ Батлер Джудит. Случайно сложившиеся основания: феминизм и вопрос о "постмодернизме" // *Гендерные исследования*, 1999. № 3, С. 101.

² Батлер Джудит. Феминизм под любым другим именем. Интервью с Розы Брайдотти. Пер. с англ. // *Гендерные исследования*, 1999. № 2, С. 61.

бросали вызов доминирующей либеральной модели гражданства и политики, так же как рамкам политического и политической территории. Однако именно переосмысление и деконструкция последних создало основания для попыток построения такой модели гражданства и гражданской активности, которая бы инкорпорировала феминистские политики приватного, основанные на таких специфических для семьи добродетелях, как любовь, интимность и озабоченность судьбой "конкретного другого"¹. В частности, стоящие на материалистской позиции Джин Бетке Элстайн и Сара Раддик вслед за Кэрол Гиллиган, противопоставившей феминистскую "этику заботы" мужской и либеральной "этике справедливости", утверждают, что именно в женском опыте материнства следует искать новую модель гражданской активности². Тем не менее, подобная материалистская позиция нашла противников среди самих феминисток, которые рассматривают гражданство в качестве сугубо патриархальной категории. В частности, Кэрол Пейтман в своей ставшей феминистской классикой "Сексуальном контракте"³, излагает позицию наиболее остро. Кто такой "гражданин"? что делает этот гражданин на арене, где он действует, коль скоро она является сконструированной по мужскому типу? Хотя женщины в либеральных демократиях сейчас являются гражданками, это самое гражданство было завоевано в рамках структур патриархальной власти, в которых женские качества и свойства по-прежнему являются малоценными⁴. Пейтман доказывает, что дискуссии в рамках теории социального контракта демонстрирует только часть истории: в основе современного патриархата и политического доминирования мужчин над женщинами лежит "сексуальный контракт", который никогда прежде не рассматривался. Является ли выходом создание дифференцированной по половому признаку модели гражданства, в которой специфические запросы мужчин и женщин будут оцениваться равным образом? Мнения расходятся. Но создание совершенно иной концепции того, что значит быть гражданином и "действовать в качестве члена демократического политического сообщества"⁵, пока наталкивается на трудности.

Здесь должно быть сделано следующее замечание — ведение свободных академических дебатов, открытых любым темам, свободный доступ к электронным и печатным средствам информации, т.е. наличие ключевых составляющих гражданского общества, является необходимым условием для постоянного обновления и развития часто противоречивой, заходящей в тупики теоретического поиска феминистской теории. Поэтому создание, сохранение и развитие гражданского общества для феминизма (достаточно экзотической теории для посттоталитарных обществ), является необходимым залогом. И в этом смысле политический феминизм смыкается со всеми иными политическими движениями, выступающими за развитие гражданского общества.

¹ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // *Гендерные исследования*, 1999, № 3. С. 113.

² Elstain Jean. *Public Man, Private Woman*. Princeton: Princeton University Press, 1989; Ruddick Sara. *Maternal Thinking*. London: Verso, 1989.

³ Pateman Carole. *The Sexual Contract*. Stanford: Stanford University Press, 1988.

⁴ Цит. по: Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // *Гендерные исследования*, 1999, № 3. С. 114.

⁵ Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // *Гендерные исследования*, 1999, № 3. С. 117.